

Типологический принцип Боудэна и верификация одной лингвистической теории

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ МАРТЫНОВ

Минск

This article demonstrates the usage of a typological principle of Bauduin de Courtenay in accordance with the reconstruction of the I.E. and Common Slavic vocalic system. Their proximity is being manifested in the existence of synharmonic syllables with the change of $Cje > Cjo$ before a non-palatalized consonant. In the Proto-I.E. language it gave rise to the ablaut *e/o*, whereas in Common Slavic this leads to the mild correlation of consonants, not including the fact that the besides the syllable structure Co appeared also Cjo .

В этой статье мы ограничим свою задачу вопросами использования типологии в компаративистике и постараемся показать на примере конкретного явления из области индоевропейистики, к чему ведет последовательное применение типологического принципа Я. Боудэна де Куртенэ. При этом мы будем исходить исключительно из данных чрезвычайно важной статьи Боудэна о палатализации и диспалатализации, опубликованной еще в 1894 г. [Baudouin de Courtenay 1894]¹. Сам автор придавал этой статье, столь известной впоследствии, большое значение².

Статья распадается на две части и содержит рассмотрение двух проблем, казалось бы, не связанных друг с другом: так называемой

¹ Оригинальная теория палатализации и диспалатализации была разработана нашим юбиляром еще в 60-х гг., что получило свое воплощение в книге: Чэжман, В.М., *Гісторыя проціпастаўленняў на чвёрдасці-мяжкасці ў беларускай мове*, Минск, 1970.

² Она открывается библиографической справкой, из которой мы узнаем, что отраженная в статье концепция развивалась автором с 1880 г., о чем свидетельствует, в частности, упоминание о ней в книге Н. Крушевского "Очерк науки о языке". Боудэн счел нужным привести соответствующую цитату из работы Крушевского и тем самым представить в исторической перспективе более ранние этапы исследования, не нашедшие прямого отражения в публикациях.

третьей палатализации славянских гуттуральных, открытой Бодуэном и впоследствии названной его именем, и генезиса индоевропейского качественного аблаута. Обе проблемы автор включает в более общую проблему палатализации и диспалатализации. Объединены они и единством методики типологического подхода. В первой части статьи после краткого изложения фактов, касающихся третьей палатализации, Бодуэн пишет: “Попытаемся с помощью непосредственного наблюдения доступных фактов проникнуть в прошлое” [Baudoin de Courtenay 1894, 46]. Далее следует описание некоторых явлений современных диалектов, которые используются в качестве антропофонической модели для объяснения механизма соответствующего древнего феномена, недоступного прямому наблюдению. Автор восстанавливает серию палатализаций от первой праславянской до южнорусской типа *тройк’а*. Таким образом, непрерывность процесса палатализации напоминает непрерывность археологических культур и указывает на языковую преемственность носителей диалектов, в которых этот процесс имел место.

Вторая часть статьи, посвященная *e/o*-аблауту, строится таким же образом. Здесь, правда, типологический принцип получает более четкую формулировку, видимо, потому, что она посвящена более отдаленному во времени и более важному явлению. Бодуэн пишет: “О недоступном для наблюдения мы не должны утверждать ничего такого, что не опиралось бы на изучение доступного наблюдению. Мы обязаны всегда придерживаться ретроспекции с переходом от известного к неизвестному и никоим образом не наоборот” [там же, 54]. Именно с этих позиций он отвергает предшествующие попытки связать происхождение индоевропейского качественного аблаута с разноместным ударением. Бодуэн, в частности, замечает: “Все известные мне попытки (объяснения механизма аблаута — В.М.) я считаю неудовлетворительными. Особенно неприемлемо утверждение некоторых ученых о влиянии ударения, и прежде всего потому, что нам не известно о таком влиянии в исторические, доступные для наблюдения периоды языковой жизни” [там же, 54]. Нам уже приходилось писать о том, что Бодуэн де Куртене был единственным, кто в конце XIX в. отвергал акцентуационное объяснение аблаута, исходя из типологических предпосылок [см.: Мартынов 1968, 4]. Эта позиция оказалась непонятой. К сожалению, она остается не до конца понятой и в наше время.

Вторая часть анализируемой статьи, как и первая, включает антропофоническую модель, смысл которой сводится к следующему. Поскольку ступени аблаута [e] и [o] гомогенны и поскольку существует [o], не входящее в альтернацию, следует предположить

[e] > [o], что может означать диспалатализацию в позиции перед последующим твердым. Влияние места ударения исключается, так как изменение [e] > [o] является не количественным, а качественным [Vaudoin de Courtenay 1894, 54]. После антропофонической модели следует типологическое сравнение, в котором используется с разной степенью детализации ряд фактов из современных диалектов. Это прежде всего переход [e] > [o] (под ударением в акающих русских диалектах и независимо от места ударения в окающих) и [e] (< [ě]) > [o] (в безударном положении в окающих). Единственным комбинаторным условием этих переходов автор считает непалатализованность последующего согласного [там же, 55]. В качестве аналогичных процессов приводятся [e] (< [ě]) > [a] в польских и восточно-болгарских диалектах при тех же комбинаторных условиях. Наряду с русским *er* > *or* поучительно было бы привести аналогичный балтийский переход (мы не касаемся здесь ряда других балтийских переходов, сводящихся к [e] > [a] при неясных комбинаторных условиях). Суффикс *-er* в безударном положении перед последующим [a] (т.е. перед последующим непалатализованным сонантом) переходит в *-ar* [Stang 1966, 33]. Данный переход мог бы служить промежуточной моделью от славянского состояния ретроспективно к индоевропейскому. В этом смысле большой интерес представляют примеры типа лит. *vākara*s ‘вечер’ ~ прасл. *večerъ*, которые можно рассматривать как отражающие разные ступени аблаута. Но уже тот факт, что балтийская и славянская формы эквивалентны морфологически и семантически, ставит под вопрос аблаутные отношения их корневых гласных. Предполагается, что лит. *vākara*s, лат. *vakars* восходит к **vekeras* > **vekaras* (в соответствии с *-er* > *-ar* перед [a] (> *vakaras*) дальнейшая регрессивная ассимиляция) [Fraenkel 1965, 1187].

Е. Курилович не согласен с перенесением механизма перехода [e] > [o] со славянской почвы на индоевропейскую, ввиду разных комбинаторных условий (развернутая критика концепции Бодуэна у него отсутствует) [1956, 38].

Мы полагаем, что приравнивание механизма индоевропейской *e/o*-альтернации к славянскому переходу [e] > [o] действительно демонстрирует некоторое сходство фонологических систем сравниваемых языков, и задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить, в чем именно должно заключаться такого рода сходство.

Так как переход [e] > [o] по крайней мере сопутствовал возникновению мягкостной корреляции согласных, следует полагать, что в индоевропейском диалекте, в котором осуществился *e/o*-аблаут,

возникли аналогичные системные характеристики. Известно, что Р. Якобсон считал северославянскую мягкостную корреляцию результатом преобразования слогового сингармонизма предшествующего состояния [Jakobson 1929, 8; 1931, 239]. Эту точку зрения с теми или иными уточнениями приняли ряд лингвистов [ср.: Мартынов 1968, 51–52]. Против якобсоновского понимания слогового сингармонизма выступил Н. ван Вейк. По его мнению, не следует принимать особый фонологический статус слогов для состояния, предшествующего возникновению мягкостной корреляции согласных. Мягкостная корреляция возникла сама собой после слияния передних и непредних гласных [van Wijk 1941, 41–42; 1937, 26]. Нам уже приходилось писать о том, что при таком подходе следовало бы ожидать “появления тембровой корреляции согласных во всех языках, где гласные комбинаторно меняли свой тембр” [Мартынов 1968, 52–53].

Рассмотрим в качестве примера так называемое преломление гласных в древнеисландском языке в сопоставлении с переходом [e] > [o] в древнерусском. В древнеисландском корневое [e] перед [a] последующего слога переходит в [ja]: др.-исл. *biarg* ‘гора’ < прасл. *berga* (e > ja). Переход осуществляется последовательно на протяжении длительного периода времени. В древнеисландском в результате этого процесса мягкостная корреляция согласных не возникает, потому что в предшествующем состоянии палатализованность была присуща только гласному (неаккомодирующий тип) [Krause 1948, 11–22]. Если бы она была в равной степени присуща гласному и предшествующему согласному, мы бы ожидали не [e] > [ja], а [e] > [a] (**bierga* > **biarg*). При таких условиях в древнеисландском языке возникла бы мягкостная корреляция согласных типа древнерусской: [e] > [o] как для первичного [e] (рус. *нёс* < прасл. *nesti*), так и для вторичного [e] < [ь] (рус. *овёс* < прасл. *ovьsъ*) с возникновением минимальных пар типа *нос* — *н’ос* (нёс), отражающих мягкостную корреляцию согласных.

Итак, мы приходим к выводу, что язык, в котором в результате переогласовки осуществился переход [e] > [o], является языком со слоговым сингармонизмом. Подобной структурой должен был обладать индоевропейский, если механизм *e/o*-аблаута таков, каким его видел Бодуэн. Для индоевропейского она была реконструирована Л. Ельмслевом и К.Х. Боргстремом. Во многом аналогичных взглядов придерживались Я. ван Гиннекен, Э. Паллиблэнк и Р. Шмитт-Брандт. Первые два исследователя восстанавливали систему без гласных фонем. Единственный гласный (“сил-

лабический вокоид”) не имел самостоятельного фонологического значения и принимал различную тембровую окраску в зависимости от предшествующего согласного [Hjelmslev 1936–37, 50; Borgström 1954, 158; 1954a, 278]. Отсутствие фонологического вокализма адекватно силлабическому сингармонизму. Очень важную характеристику таких систем подчеркнул Паллиблэнк, заметив, что “трехчленный вокализм” (*i–u–a*), поскольку *i*, *u* являются вариантами сонантов, сводится к одному гласному. А так как один гласный оказывается вне оппозиций с гласными, такой язык фактически является консонантным языком. Гласный призвук слога приобретает при этом огромную вариативность [1965, 91]. Подобную же мысль высказал Шмитт-Брандт [1967, 93–94]. При этом Паллиблэнк, как и ван Гиннекен, опирался на большой типологический материал, поэтому лишь терминологическим недоразумением следует считать высказывание Якобсона о том, что “структура с одним гласным для индоевропейского не находит аналогий в зафиксированных языках мира” [1962, 528]. Если включить сонанты в подсистему гласных, одночленный вокализм с нефонологическим гласным оказывается адекватным трехчленному вокализму, распространенность которого среди языков мира более чем достаточная.

Допуская, что индоевропейский минимальный вокализм и славянский слоговой сингармонизм — адекватные системы, характеризующие соответственно в парадигматическом и синтагматическом планах, мы должны доказать и их антропофоническую идентичность.

Решающим подтверждением антропофонической идентичности индоевропейского и праславянского явились открытые В.М. Илличем-Свитычем уральские и алтайские соответствия индоевропейским корням с гуттуральными: урало-алтайские гуттуральные перед лабиализованными гласными — индоевропейским лабио-велярным, урало-алтайские гуттуральные перед нелабиализованными гласными переднего ряда — индоевропейским палатализованным, урало-алтайские гуттуральные перед нелабиализованными гласными заднего ряда — индоевропейским велярным [Иллич-Свитыч 1964, 22]. Сам Иллич-Свитыч не сделал всех выводов из своего открытия. Его единственной целью было доказать путем внешнего сравнения наличие в индоевропейском трех рядов гуттуральных. Между тем данные, полученные Илличем-Свитычем, свидетельствуют о том, что индоевропейские гласные не имели собственного тембра. Их более глубокая история нас в данном случае не интересует, т.е. палатализовались ли индоевропейские гуттуральные перед гласными переднего ряда с последующей нейтра-

лизацией этих гласных (точка зрения самого Иллича-Свитыча), или первоначально нейтральные гласные получили от предшествующих гуттуральных свой тембр (противоположная точка зрения). Ясно, что уже в индоевропейскую эпоху палатализованные гуттуральные сочетались с нейтральными гласными, образуя сингармонические слоги. Причем, остается недоказанным, что аналогичные сингармонические слоги не образовывались с другими консонантами. Ведь совершенно аналогично рядом исследователей обосновывалось отсутствие палатализации негуттуральных перед гласными переднего ряда в праславянском. Как отмечал Каллеман, “из отсутствия дальнейшего развития остальных согласных (не гуттуральных — В.М.) в этой позиции (перед гласными переднего ряда — В.М.) нельзя делать вывода, что их палатализация в принятом здесь смысле не имела места” [1950, 121].

Таким образом, антропофоническая идентичность индоевропейского и праславянского выражалась в том, что и там и здесь существовали сингармонирующие слоги, осуществившие переход [Cje] > [Cjo] перед непалатализованным консонантом суффикса. В индоевропейском в соответствии с правилом Бодуэна это привело к мягкостной корреляции согласных, поскольку наряду со слогом [Co] возник слог [Cjo].

ЛИТЕРАТУРА

- Иллич-Свитыч, В.М. 1964: Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения, in *Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков*: Научная сессия. Тезисы докладов, Москва, 22–26.
- Мартынов, В.В. 1968: *Славянская и индоевропейская аккомодация*, Минск.
- Baudouin de Courtenay, J. 1894: Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation), *Indogermanische Forschungen*, IV, 45–57.
- Borgström, C.Hj. 1954: Internal Reconstruction of Pre-Indo-European Word-forms, in *Linguistics Today*, New-York, 155–167.
- Borgström, C.Hj. 1954a: Internal reconstruction of Pre-Indo-European Word-forms, *Word*, X, 275–287.
- Calleman, B. 1950: *Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung*, Uppsala.
- Fraenkel, E. 1965: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 2, Heidelberg-Göttingen.
- Hjelmslev, L. 1936-37: Accent, intonation, quantité, *Studi Baltici*, 6, 1–57.

- Jakobson, R. 1929: *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* (= *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 2).
- Jakobson, R. 1931: *Über die phonologischen Sprachbünde* (= *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 4).
- Jakobson, R. 1962: Typological Studies and their Contribution to the Historical Comparative Linguistics, in *Selected writings*, S-Gravenhage.
- Krause, W. 1948: *Abriss der altwestnordischen Grammatik*, Halle (Saale).
- Kuryłowicz, J. 1956: *L'apophonie en indo-européen*, Wrocław.
- Pulleyblank, E.G. 1965: The Indo-European Vowel System and the Qualitative Ablaut, *Word*, XXI, 86–101.
- Schmitt-Brandt, R. 1967: *Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems*, Heidelberg.
- Stang, C.S. 1966: *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo-Bergen-Tromsø.
- van Wijk, N. 1937: La genèse de la mouillure des consonnes dans les langues slaves, *Slavia*, XV, 1, 24–42.
- van Wijk, N. 1941: Zum urslavischen sogenannten Synharmonismus der Silben, *Linguistica slovacica*, III, 41–48.